

Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности

Журавлева Виктория Ивановна, РГГУ, ИВИ РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: zhuravlevavic@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье автор, опираясь на современную историографию и собственные исследования, выявляет имагологические истоки современной конфронтации между Россией и США. Она обуславливается не только конкретными внешнеполитическими действиями в отношении друг друга, но и внутривнутриполитическими повестками развития, конструированием национальной идентичности и использованием противоположной стороны как значимого (конституирующего) Другого. Взяв конструктивизм за теоретическую основу исследования, автор рассматривает устойчивые имагологические тренды в российско-американских отношениях, объясняя их циклический характер изменением соотношения между прагматическим и ценностным подходами. В статье показано, как российский и американский Другие работали в роли значимых в национальных дискурсах идентичности соответственно США и России в длительном временном диапазоне, формируя репертуары смыслов, удобные для решения внутри- и внешнеполитических задач. Автор приходит к выводу о том, что современная конфронтация между Россией и США имеет ярко выраженный характер конфликта ценностей и мессианских проектов и создает новую воображаемую реальность двусторонних отношений, в рамках которой дихотомическая картина взаимного восприятия оказывается доведенной до своего логического завершения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

российско-американские отношения, идентичность, конструктивизм, имагология, значимый (конституирующий) Другой, национальная исключительность

Введение

Статья опирается на конструктивистский подход к изучению прошлого и настоящего российско-американских отношений. Данная теоретико-методологическая рамка позволяет понять, почему начиная с рубежа XIX–XX вв. (но не ранее) образ другой страны играет роль значимого (конституирующего) Другого в выстраивании дискурсов идентичности по обе стороны Атлантики, под влиянием каких внутренних и внешних процессов происходило это превращение Другого в конституирующего, что необходимо брать в расчет при объяснении логики и динамики взаимодействия США с Россией (будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия).

Конструктивисты полагают, что знание национальных коллективов о себе (в нашем случае – русских и американцев) выстраивается во взаимодействии со значимыми Другими¹. При этом общество-наблюдатель отбирает характеристики, имеющие важное значение для национальной повестки развития в каждый конкретный исторический период, выстраивает иерархию инонациональных образов, делая одни из них центральными, а другие – периферийными и превращая тем самым внешнюю политику в поле конструирования идентичности. Оптика конструктивизма позволяет изучать то, как воображается международная реальность (в нашем случае – реальность российско-американских отношений), поскольку оценка внешних угроз субъективна, а определение национальных интересов имеет под собой дискурсивную основу².

Объяснительная схема автора выстраивается с опорой на современную историографию российско-американских отношений³, а также на собственные исследования. Статья нацелена не на прописывание исторических контекстов российско-американских отношений с опорой на источники различных видовых характеристик (это уже сделано в тех публикациях, на которые автор ссылается), а на метаисторический анализ, на выстраивание аналитической схемы, позволяющей понять, что современная конфронтация между Россией и США обуславливается не только конкретными внешнеполитическими действиями двух стран, но и долгосрочными трендами взаимного восприятия, напрямую связанными с внутривнутриполитическими интересами, конструированием национальной идентичности и использованием противоположной стороны в роли значимого Другого в данном процессе.

Текст статьи структурируется в соответствии со стремлением автора представить историю российско-американских отношений как поле взаимодействия интересов, ценностей и идентичностей с особым акцентом на соотношение ценностного и прагматического подходов, что во многом обуславливало и продолжает обуславливать их циклический характер.

Между 1880-ми гг. и Первой мировой войной (т.е. с того времени, когда русский и американский Другие стали значимыми в дискурсах идентичности друг друга) двусторонние отношения прошли свой первый полный цикл: от прагма-

1 Wendt 2004; Нойманн 2004, 25–70; Морозов 2009, 24–176.

2 Campbell 1998; Hixson 2008; Hunt 2009; Tsygankov 2019; Borozna 2022.

3 Zhuravleva 2022, 29–54.

тического сотрудничества XIX в. через кризис 1903–1905 гг. к новому прагматическому сближению в годы мирового конфликта.

Революции 1917 г. запустили следующий цикл в его ниспадающем движении: от Февраля к Октябрю и далее к военной интервенции США против Страны Советов. Как тогда, так и в дальнейшем изменение соотношения между ценностным и прагматическим подходами было связано с внутри- и внешнеполитическими повестками развития, а также с всплесками национализма во время кризисов национальной идентичности. Это изменение баланса маркировало периоды оттепелей и конфронтаций, обуславливая смену циклов в двусторонних отношениях: от интервенции в начале 1920-х гг. к экономическому сотрудничеству на рубеже 1920–1930-х гг. и дипломатическому признанию в 1933 г.; от похолодания второй половины 1930-х гг. на фоне Московских процессов и подписания пакта Молотова – Риббентропа к союзничеству в годы Второй мировой войны, когда существовало прагматическое партнерство СССР, США и Великобритании в борьбе с общим врагом; от конфронтации первого периода холодной войны к «холодной оттепели» конца 1950-х гг.; от Карибского и Берлинского кризисов к разрядке второй половины 1960-х–1970-х гг.; от нового витка холодной войны в конце 1970-х гг. – первой половине 1980-х гг. к ее окончанию; от «медового месяца» в российско-американских отношениях 1990-х гг. к разочарованию середины 2000-х гг.; от «перезагрузки» 2008–2012 гг. к текущему кризису.

В целом периоды «разрядок» и «перезагрузок» характеризовались преобладанием прагматического подхода в российско-американских отношениях и расширением зон сотрудничества. Как следствие, нивелировалась дихотомия восприятия другой страны в формировании национальной идентичности, подчеркивались сходства национальных моделей развития, а не их различия. И хотя при этом советская и постсоветская Россия и США оставались друг для друга конституирующими Другими, ценностный конфликт на время сглаживался. В конфронтационные периоды он, напротив, выходил на первый план, обуславливая стремление объяснять собственные провалы в политике происками противоположной стороны, превратив ее в своего рода «темного двойника» и козла отпущения. Однако даже в условиях «похолоданий» и «заморозков» это не исчерпывало всей палитры взаимных образов и представлений, хотя и способствовало поддержанию устойчивых имагологических паттернов, мешавших лучшему пониманию между правительствами и народами двух стран.

От прагматического взаимодействия XIX в. к ценностному конфликту XX в.

Начиная с рубежа XIX–XX вв. сравнение с русским или американским Другим превратилось в постоянный элемент дискурса национальной идентичности, что наиболее ярко проявлялось в условиях внутриполитических кризисов и переоценки ценностей. Таким образом, именно с этого времени Россия и США начали играть роль конституирующих Других друг для друга. Правомерно задать вопрос, почему этого не произошло ранее.

На протяжении большей части XIX в. Российская империя и Североамериканская республика взаимовыгодно сотрудничали, несмотря на различия идео-

логий и политических систем, и противодействовали Великобритании как общему сопернику в век *Pax Britannica*. Эта прагматическая тенденция была заложена еще в 1780 г. Декларацией о вооруженном нейтралитете Екатерины II и проявлялась с особой силой в периоды европейских кризисов, поскольку интересы двух стран не сталкивались в Европе (впрочем, как и в других частях мира).

На протяжении практически всего XIX в. именно европейский Другой был в одинаковой степени значимым для формирования идентичностей русских и американцев, которые ощущали свою периферийность по отношению к западноевропейскому центру и которых сближало наличие институтов несвободы – рабства и крепостного права, – а также масштабная континентальная экспансия России в Среднюю Азию и на Восток, а США – на Запад. Кроме того, Российская империя была заинтересована в американской технике и технологиях, необходимых для модернизации армии и военного флота, строительства железных дорог и налаживания речного судоходства, а Америка ими охотно делилась. Это не значит, что сравнение с Другим отсутствовало в общественно-политическом дискурсе по обе стороны Атлантики. В отдельных случаях оно использовалось как для критики собственных недостатков, так и для артикуляции национальных достоинств¹. Однако в основном служило подтверждением сходств, а не различий в развитии двух стран и не выходило на уровень межгосударственных отношений². Одним словом, Российская империя и США долгое время оставались друг для друга теми, кого Н. Сол называл «далекими друзьями» (*"distant friends"*), не превращаясь еще в «заклятых друзей» (*"frenemies"*) или «закадычных врагов» (*"intimate enemies"*), каковыми они стали в полной мере позже, что свидетельствовало об их превращении в конституирующих Других в национальных дискурсах идентичности.

Этот процесс начался в конце XIX – начале XX вв., когда ценностный подход впервые масштабно интегрировался в российско-американские отношения. Причинами стали, во-первых, изменения внутри системы международных отношений, связанные с разрушением «европейского концерта» после Крымской войны (1853–1856) и интеграцией новых игроков, таких как США и Япония, в мировую политику; с возникновением мировой экономики и мирового экономического разделения труда в эпоху индустриализации; с завершившимся колониальным разделом мира, приковавшим внимание великих держав к Азиатско-Тихоокеанскому региону вообще и Китайской империи в частности. Во-вторых, это обуславливалось внутривнутриполитическими процессами, которые в условиях кризисов идентичности в обеих странах в конце XIX в. акцентировали внимание на различиях политических систем, мессианских проектов и социокультурного наследия, что становилось основой долгосрочного идеологического конфликта в российско-американских отношениях.

В России после убийства Александра II наступил период реакции в правление Александра III (1881–1894), отмеченный консолидацией вокруг трона и церкви, проведением контрреформ и политикой русификации. Следствием курса на

1 Курилла 2018, 19–36; Kurilla 2016, 114–123.

2 Saul 1991; Курилла 2005; Журавлева 2021, 9–30.

укрепление национальной идеи стала массовая эмиграция за океан представителей этнических (евреи, поляки, русские немцы, финны, литовцы) и религиозных (духоборы, штундисты, лютеране, католики) меньшинств. Все эти группы вливались в поток «новой иммиграции», отношение к которой вызвало напряженные общественно-политические дебаты в США, сопряженные с пониманием белыми американцами своей национальной идентичности, и несли к берегам Америки крайне негативный образ России как страны произвола и деспотизма.

В свою очередь, в США после окончания периода Реконструкции в 1877 г. также происходила масштабная переоценка ценностей в условиях, когда: отмена рабства на Юге не принесла равных прав темнокожим американцам, а их белые сограждане отгораживались от них сегрегационными барьерами; индустриализация усиливала социальную дифференциацию общества, а большой бизнес бросал вызов многочисленным средним и мелким предпринимателям; «новая иммиграция» из Юго-Восточной Европы и Китая воспринималась как угроза генетическому коду американской нации; внутри общества впервые прозвучал внятный идеологический вызов «снизу» и «слева», появилась влиятельная третья партия популистов, а либералам и консерваторам пришлось обновлять свое идейное кредо и проводить партийно-политическую перегруппировку. К концу XIX в. американцы дошли до побережья Тихого океана, а исчезновение фронта как внутренней границы привело к формированию идеологии внешнеполитической экспансии, пришедшей на место континентальной и предполагавшей переосмысление роли США в мировом развитии. Важной вехой в данном процессе стала Испано-американская война 1898 г., по итогам которой Соединенные Штаты создали островную империю и втянулись в борьбу за рынки Китая.

Эти международные и внутривнутриполитические изменения привели не только к столкновению мессианских и геополитических проектов России и США на Дальнем Востоке, росту конкуренции на мировом хлебном и нефтяном рынках, но и к обострению идеологических противоречий и превращению двух стран в значимых Других друг для друга. Тем более, что на фоне сближения англосаксонских наций Великобритании как общий враг перестала играть свою роль в уравнивании российско-американской дружбы, а европейский Другой – в дискурсе идентичности России и США в качестве конституирующего¹.

На рубеже 1880-х – 1890-х гг. в США стартовал первый «крестовый поход» против России, превращавший ее в объект миссии США по демократизации и либерализации мира. Он разворачивался параллельно кампании в поддержку еврейского меньшинства Российской империи и был инициирован русскими политэмигрантами, американским либеральным журналистом Дж. Кеннаном, посетившим Сибирь и рассказавшим Западному миру о карательной системе царизма, а также американскими «друзьями русской свободы». На страницах американской прессы, на митингах и заседаниях различных обществ, в публицистике и карикатуристике отношения между странами начинают осмысливаться сквозь призму дихотомий свобода – политическое рабство,

¹ О развитии российско-американских отношений в 1881–1914 гг. подробнее см.: Saul 1996, 233–588. Сквозь призму конструктивизма данный период кратко представлен в книге: Foglesong 2007, 7–50, а также в развернутом виде в фундаментальной монографии: Журавлева 2012.

демократия – авторитаризм, веротерпимость – религиозная ортодоксальность, а образ России как тюрьмы для политических и религиозных диссидентов и этнических меньшинств прочно интегрируется в палитру представлений о ней по другую сторону Атлантики¹.

В ответ в официальной прессе России обличалась политика сегрегации и практика линчеваний в США, дискриминация индейцев и китайских иммигрантов, повседневная погоня американцев за наживой и бездуховная американская культура, что закладывало основу официального антиамериканского дискурса, сохранившего свое значение до сих пор. Так образ другой страны начинал играть роль своеобразного «темного двойника», позволявшего оттенять преимущества национальной модели развития и ее исключительность².

В конце XIX в. данные имагологические тенденции, подтачивавшие традиционно дружественные отношения между странами, нивелировались в связи с американским филантропическим движением, развернувшимся во время голода в России 1891–1892 гг., с ее участием во Всемирной выставке в Чикаго, с массовым увлечением в США русской культурой, с масштабным торгово-экономическим сотрудничеством двух стран в условиях начавшейся в Российской империи в конце XIX в. модернизации экономики и строительства Транссибирской магистрали. Именно поэтому в общественно-политическом дискурсе двух стран преобладала полифония, а не дихотомия взаимных образов, а межгосударственные отношения сохраняли прагматический характер взаимовыгодного сотрудничества, унаследованный от предыдущего периода³.

Ситуация изменилась в период первого в двусторонних отношениях кризиса 1903–1905 гг. Во время Русско-японской войны симпатии вашингтонской администрации и американского общества оказались на стороне Японии. Она была представлена как «янки Востока» и принята в «клуб цивилизованных держав», в то время как Россию из него исключали на фоне Кишиневского антиеврейского погрома 1903 г. и продолжения оккупации Маньчжурии в противовес американскому принципу «открытых дверей и равных возможностей» в Китае. Президент Т. Рузвельт уповал на то, что модернизированная Япония «играет американскую игру» на Дальнем Востоке, в отличие от отсталой Российской империи⁴; либеральные «друзья русской свободы» в США делали ставку на поражение царизма в войне, которое, по их мнению, должно было ускорить русскую революцию; американско-еврейское лобби питало надежды на либерализацию законодательства в отношении русских евреев вследствие ослабления самодержавия⁵. На страницах американской прессы развернулась первая «имиджевая война» против России, нашедшая яркое выражение в карикатуристике, а конфликт на Дальнем Востоке осмысливался сквозь призму противопоставлений «англосакс – славянин», «цивилизация – варварство», «прогресс – регресс»⁶.

1 О развитии российско-американских отношений в 1881–1914 гг. подробнее см.: Saul 1996, 233–588. Сквозь призму конструктивизма данный период кратко представлен в книге: Foglesong 2007, 7–50, а также в развернутом виде в фундаментальной монографии: Журавлева 2012.

2 Behringer 2018, 286–296.

3 Журавлева 2012, 209–388.

4 Letters 724, 829–832.

5 Журавлева 2012, 522–526.

6 Ibid., 544–567.

Русская революция 1905–1907 гг. лишь подбросила дров в костер американского универсального либерализма, превратив революционную Россию в объект мессианского рвения общественных и религиозных деятелей, журналистов и карикатуристов в США, искавших среди русских либералов «отцов-основателей» и предававшихся мечтам о «русском 1776 годе». И это вдохновение, как и в последующем, закончилось разочарованием в революции по-русски как движении по кругу, минув свободу¹.

На рубеже XIX – XX вв. в США сформировались дискурсы с характерными для них репертуарами смыслов и разным видением перспектив модернизации России и национального характера русских, в рамках которых русский Другой работал на формирование американской идентичности. Во-первых, либерально-универсалистский дискурс с присущей его участникам верой в русский народ, при определенных условиях и помощи из-за океана готовый сбросить цепи политического рабства, в русских либералов, которые должны повести общество по пути революции западного образца и не дать ему скатиться к социальному хаосу и политическому радикализму, в сопричастность американцев процессу демократического обновления России. Во-вторых, консервативно-пессимистический дискурс – со свойственным его участникам ориентализмом и верой в неизменность национального характера русских, определявшего устойчивость авторитарных политических традиций. При этом ориентализм в определенной степени присутствовал во всех дискуссиях по поводу модернизации России, происходивших в американском обществе с конца XIX в., соседствуя в рассуждениях русофилов с их восхищением русской культурой и надеждами на постепенные реформы «сверху», а у либералов – с их надеждой на то, что при определенных условиях русский «темный люд» сможет вступить на путь свободы и демократии².

Цивилизационный пессимизм в оценках России–неЗапада выходил в США на первый план на завершающей фазе своеобразных американских «циклов надежд и разочарований» в связи с очередным этапом модернизации России (в особенности в условиях русских революций), отодвигая на задний план американские мечты о ее быстром переустройстве по заранее известной схеме в духе универсального либерализма и возвращая опасения по поводу неизменности национального характера русских и реализации особого пути развития России, представлявшего угрозу Западу. Так было и в 1905–1907 гг., и в 1917 г., и после распада СССР.

В свою очередь, в Российской империи либералы, сравнивая развитие двух стран, вдохновлялись американским экономическим и политическим опытом, размышляя над тем, что может оказаться полезным для обновления самой России, чему Америка может ее научить³. В то время как либеральное крыло российского революционного движения рассчитывало на моральную поддержку американцев, русские радикалы ездили за океан для сбора средств на дело русской революции. В консервативно-националистическом лагере, напротив, окончательно сложился образ США как полного антипода России, как «темного двойника», противопостав-

1 Ibid., 626–764; Журавлева 2018а, 138–173.

2 Эткинд 2001, 172–173; Engerman 2003, 54–84, 244–272; Журавлева 2023а, 171–196.

3 Бородин 1915.

ление которому позволяло высветить преимущества русского пути развития, русского национального характера и особой духовности русских¹.

При этом в США, в отличие от России, сравнение со значимым русским Другим использовалось не только для актуализации собственных преимуществ, но и для критики собственных недостатков, чему способствовало отсутствие цензуры. Впрочем, это также было доказательством роли русского Другого в формировании представлений об американском Я, равно как и увлечение американских левых социальным, а затем и социалистическим посланием русских революций².

Первая мировая война завершила первый цикл в российско-американских отношениях в его движении от прагматизма XIX в. через первый кризис 1903–1905 гг., разрядку напряженности после окончания Русско-японской войны, несмотря на денонсацию в 1911 г. торгового договора 1832 г., к «медовому месяцу» в период мирового конфликта. В рамках этого цикла русский и американский Другие начали играть роль конституирующих соответственно в американском и российском дискурсах идентичности и использоваться на официальном уровне не для поиска сходств в развитии двух стран, а для выявления различий, для обоснования внутри- и внешнеполитического курса. В полной мере это проявилось уже после возникновения Советской России.

США и Советская Россия: от идеологического противостояния к товариществу по оружию

Революции 1917 г. запустили новый цикл в двусторонних отношениях, окончательно превратив Россию в объект «крестового похода» Соединенных Штатов за реформирование мира на основе принципов либеральной демократии. Признание Временного правительства после крушения монархии в Российской империи придало мощный импульс либеральному интернационализму, провозглашенному президентом В. Вильсоном, хотя участие в иностранной интервенции против большевиков в период Гражданской войны вызвало напряженные дебаты в среде американского политического истеблишмента³.

С этого момента русский Другой прочно интегрировался во внешнюю политику США, а идеологический подход, апеллировавший к ценностным императивам, стал устойчивым трендом формирования американской политики по отношению к России (советской и постсоветской). В итоге ее внешнеполитические действия воспринимались во взаимосвязи с внутривнутриполитическим режимом, а политика вашингтонских администраций по отношению к ней обуславливалась готовностью к проведению либеральных реформ, расширявших гражданские права и свободы. Такое видение было проекцией вовне одной из основополагающих репрезентаций самого американского общества, основанной на уверенности в том, что США действуют на мировой арене исходя из демократического характера своего политического строя.

1 Egert 1912.

2 Журавлева 2020.

3 Foglesong 1995; Saul 2001.

Постфевральская Россия уповала на экономическую помощь США для продолжения участия в Первой мировой войне и вдохновлялась американским опытом проведения политических реформ¹. В свою очередь, и Советская Россия не отрицала полезности этого опыта для ее экономического обновления, будь то фермерский путь развития аграрного сектора в репрезентациях В.И. Ленина или создание современной экономики в эпоху сталинской индустриализации, проходившей под лозунгом «фордизации»². Тогда американцы в очередной раз поставляли за океан технику и технологические ноу-хау, преподавали русским уроки эффективного производства³. Причем наиболее масштабный период этой помощи пришелся на годы первой пятилетки (1928–1932), т.е. до дипломатического признания СССР.

Участие американцев в обновлении советской экономики не только укрепляло экономическую составляющую американской мессианской идеи, но и способствовало индустриализации и технологической модернизации СССР, а также формировало прагматическую повестку двусторонних отношений. Не меньший вклад американцы внесли в борьбу с массовым голодом в Поволжье 1921–1922 гг., когда масштабная гуманитарная помощь США помогла большевикам сохранить власть. При этом глава Американской администрации помощи Г. Гувер как раз делал основную ставку на то, что филантропические грузы с маркой *Made in USA* наглядно продемонстрируют преимущества капитализма перед социализмом⁴.

Во второй половине 1930-х гг. на фоне начавшихся московских процессов и свертывания экономического сотрудничества американские дипломаты начали все чаще использовали ориенталистское объяснение природы сталинского режима и его лидеров, находя азиатское наследие как в системе, так и в характере советских людей. В 1936 г. первый посол США в Советской России У. Буллит написал в Государственный департамент, перефразируя кюстиновское «поскреби русского – найдешь татарина»: «Поскреби советского – найдешь русского»⁵.

СССР, в свою очередь, подчеркивал особые преимущества социалистического строя, используя для этого сравнение с американским Другим как с «темным двойником» и противопоставляя социализм, интернационализм и социальные гарантии в Советском Союзе капитализму, расизму и безработице в США, а моральный кодекс советского человека – американской бездуховности, неустанной погоне за наживой и потребительскому мещанству. В этом смысле образ «страны Желтого дьявола», созданный М. Горьким еще в конце революции 1905–1907 гг., прочно вошел в советский пропагандистский дискурс.

Соединенным Штатам было чему поучиться у Советского Союза, например равноправию женщин. Не случайно сюда устремились толпы американок, желавших воочию убедиться в том, как при социализме изменились гендерные отношения, а советские женщины получили равные с мужчинами права во всех сферах жизни⁶.

1 Листиков 2006; Мальков 2009, 102–153.

2 Журавлева 2021, 64–71.

3 Шпотов 2013.

4 Patenaude 2002; Дуглас 2021; Журавлева 2021, 31–52.

5 Engerman 2003, 260.

6 Эткинд 2001, 142–165; Roman 2012; Fedorova 2013; Дэвид-Фокс 2015; Mickenberg 2017.

Однако и Соединенные Штаты не могли не восхищать советских людей своим технологическим прогрессом, комфортом, трудовой культурой и тем, что вещи были поставлены на службу человеку. Одним словом, как написал один из читателей «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова в издательство «Художественная литература»: «Если бы Америка была советской, она была бы раем»¹.

Таким образом, советский и американский конституирующие Другие были призваны подчеркивать преимущества национального мессианского послания: американского – как послания свободы и демократии, советского – как послание равенства. Тем не менее идеологические противоречия и ценностный конфликт сглаживались прагматическими запросами сталинской модернизации, нашедшими отклик в США в годы Великой депрессии. Это запустило очередной цикл в двусторонних отношениях во второй половине 1920-х гг., достигший пика после дипломатического признания СССР в 1933 г. и сошедший на нет на фоне подписания пакта Молотова – Риббентропа.

Прагматическая тенденция во взаимоотношениях двух стран была характерна не только для тех периодов, когда в России (царской, советской и постсоветской) происходили экономические реформы, а из США поставлялись техника и ноу-хау, но и в период борьбы с общим врагом. Так случилось во время Первой мировой войны, когда впервые в повестку двусторонних отношений был поставлен вопрос о взаимном познании и изучении русскими и американцами друг друга². То же самое, но в гораздо больших объемах и более яркой форме произошло в годы Второй мировой войны³. В такие периоды в общественно-политических дискурсах обеих стран превалировал концепт сходств, а не различий. Не случайно в 1944 г. вышла книга П. Сорокина, акцентирующая внимание на обобщение опыта конструктивного взаимодействия между Россией и США в течение полутора вековой истории. Тем более, что большую часть этого времени они оставались «далекими друзьями», а не являлись конституирующими Другими. Книга увидела свет в то время, когда победа антигитлеровской коалиции, скрепленной товариществом по оружию СССР, Великобритании и США, уже не вызывала ни у кого сомнений. Однако вопрос о будущем мироустройстве, в котором коммунистической России предстояло играть особую роль, становился источником тревог в среде американского политического и военного истеблишмента. Осознание этой опасности и побудило П. Сорокина написать сравнительно-историческое исследование, основанное на его концепции «российско-американской исключительности» и совместимости фундаментальных ценностей народов двух стран, что позволяло надеяться если не на союз, то на сотрудничество между ними по восстановлению послевоенного мира⁴.

В конце войны в обществах СССР и США превалировало убеждение, что и после ее окончания сохранится прагматическое взаимодействие между ними, основанное на равном партнерстве, взаимном уважении национальных интересов и

1 Ильф, Петров 2010, 502.

2 Zhuravleva 2021, 273–292.

3 Журавлева 2021, 53–78, 150–173.

4 Sorokin 1944.

готовности к изучению опыта другой страны и другого народа. Тогда, как и в эпоху холодной войны, эти надежды оказались в основном иллюзорными, разбившись о конфликт ценностей и идентичностей, недалёковидность и национальный эгоизм политических и военных элит двух сверхдержав.

«Холодная война идентичностей»: советский vs американский конституирующие Другие

В годы холодной войны в условиях системного противостояния СССР и США советским людям и американцам нужно было доходчиво объяснить, почему им повезло родиться по ту или иную сторону «железного занавеса» и почему именно их правда является истиной¹. Политики и эксперты, журналисты, кинематографисты и карикатуристы с готовностью использовали образ другой сверхдержавы как своеобразного «темного двойника», выстраивая дискурсы идентичности на основе противопоставлений романтического Своего и демонического Другого.

В СССР с обоснованием новой политики в отношении США, которые еще недавно были союзником по антигитлеровской коалиции, выступил секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Жданов на конференции Коминформа в 1947 г., а в 1949 г. был разработан специальный план по развертыванию антиамериканской пропаганды². Ее пик, также как и антисоветской в США, пришелся на 1949–1953 годы. Действия «американской военщины» теперь сравнивались с планами нацистской Германии. На первое место вышел образ США как «поджигателей Третьей мировой войны», представления о стране расовой дискриминации и угнетения рабочего класса, о всевластии Уолл-стрита и Пентагона, о культивирующей низменные человеческие инстинкты американской культуре. Советские карикатуристы и плакатысты маркировали образ США не только знаком доллара, но и свастики, а к подготовке антиамериканских кинолент были привлечены классики советской кинематографии, создававшие для экрана произведения, полные клише из передовиц советских газет и напоминавшие политический комикс³. И в последующем антиамериканизм неизменно усиливался в СССР в периоды кризисов и очередных витков холодной войны. Однако столь демонического образа США, как на ее начальном этапе, не создавалось больше никогда.

Положение дел стало меняться после смерти И.В. Сталина. На XX съезде КПСС в феврале 1956 г. был не только осужден его культ личности, но и признана возможность мирного сосуществования государств с различными общественными системами. В СССР началась «оттепель», а в советско-американских отношениях – «холодная оттепель», что привело к смягчению критики внутренней и внешней политики США и началу культурных и академических обменов после подписания соглашения Лейси – Зарубина в 1958 г. Пик этого временного «потепления отношений» между двумя сверхдержавами пришелся на поездку Н.С. Хрущева в США в 1959 г. Тогда на страницах советской прессы начали цитировать его сло-

1 Ball 2016; Fainberg 2020.

2 Правда. 22 октября 1947 г. План мероприятия по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время. Документ агитпропа ЦК. 01.03.1949 // Архив Александра Н. Яковлева. Фонд А.Н. Яковлева. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69577> (дата обращения: 15.02.2024).

3 Magnusdottir 2019.

ва о том, что США – это большая и сильная страна с высочайшим уровнем жизни, обогнавшая все остальные государства в экономическом отношении, и бывший военный союзник СССР по антигитлеровской коалиции. Американская выставка в Сокольниках в 1959 г. стала для советских людей подлинным открытием Соединенных Штатов.

Вместе с тем советский пропагандистский дискурс вне зависимости от изменения климата двусторонних отношений выстраивался на основе базовых антитез, позволявших подчеркивать преимущества СССР в сравнении с США: «миролюбие» / «милитаризм»; «интернационализм» / «расизм»; «социальные гарантии» / «безработица»; «процветание для всех» / «изобилие для избранных»; «советский образ жизни» / «американский». Этими противопоставлениями были пронизаны публикации в прессе, научная и публицистическая литература, плакаты и карикатуристика, советский художественный кинематограф и документальное кино¹. Дихотомическая картина мировосприятия позволяла подчеркнуть преимущества советского Своего и представить миру смысл собственного мессианского послания, адресованного как внутренней, так и внешней аудитории, в особенности – в странах Третьего мира.

Тем не менее советский взгляд на США в годы холодной войны оказался явлением сложным. Это, безусловно, был враг номер один, воспринимаемый как враждебный Другой. Однако только его признание имело значение для легитимации советской сверхдержавности. Вот почему для национального дискурса идентичности и в Советской России, и в постсоветской была так важна память о союзничестве времен Второй мировой войны, когда две страны выступали как равные партнеры по антигитлеровской коалиции. И именно поэтому советские и постсоветские лидеры неизменно апеллировали к встрече на Эльбе как символу этого равноправного союза.

Кроме того, США не могли не восхищать экономическими и технологическими достижениями, которые советские лидеры были готовы заимствовать для собственных целей. В ходе своих реформ Н.С. Хрущев мечтал догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока и брал «уроки кукурузоведения» у американского фермера-миллионера Р. Гарста². В свою очередь, Л.И. Брежнев, начиная «разрядку» отношений с США в конце 1960-х гг., был заинтересован не только в равноправных отношениях с учетом законных интересов друг друга, но и в наращивании торгово-экономических связей с США и импорте западных технологий, что должно было помочь модернизировать стагнирующую советскую экономику. Таким образом, критика «зла» капиталистического строя и вера в превосходство социализма сосуществовали с комплексом экономической и технологической отсталости. Именно на его преодоление работала победа СССР над США на первых двух этапах космической гонки, для чего был использован весь советский научно-технологический потенциал.

В США происходил зеркальный процесс изобретения такого образа Советской России, который был бы удобен для понимания американцами собственной

1 Shaw, Youngblood 2010, 40–47; Журавлева 2022; Враг номер один... 2023.

2 Журавлева 2013, 121–143.

идентичности. В начале холодной войны Дж. Кеннан, дипломат и дальний родственник упоминавшегося ранее либерального журналиста, поставил вопрос о том, насколько внутривластический режим в СССР, чуждый американским ценностям, обуславливает его уникальную внешнюю политику, которая требует особого внешнеполитического курса Вашингтона. В своей «длинной телеграмме», присланной из посольства США в Москве, где он в то время занимал должность советника, Дж. Кеннан объяснил природу внешнеполитического поведения СССР поиском внутренних и внешних врагов, свойственным тоталитарным режимам, презрением к человеческой природе, мессианскими и экспансионистскими претензиями, унаследованными от царской России, военной мощью, обилием ресурсов и ростом влияния СССР после Второй мировой войны¹. Он предложил не воевать с Советским Союзом, а сдерживать распространение его влияния. Сформулированная Дж. Кеннаном концепция «сдерживания» сыграла важную роль в разработке плана Маршалла, «доктрины Трумэна» и стратегии «психологической войны» против СССР².

При этом взгляды самого Дж. Кеннана на Советский Союз начали эволюционировать практически сразу после того, как он сформулировал основные положения своей концепции. Во-первых, он был недоволен тем, как сменявшие друг друга вашингтонские администрации реализовывали ее на практике. Во-вторых, в рассуждениях Дж. Кеннана неизменно присутствовало глубокое уважение к русской культуре и вера в то, что вне рамок политики два народа могли бы продуктивно взаимодействовать. В-третьих, со временем Дж. Кеннан стал уделять особое внимание изменениям, происходившим в советском обществе, отказавшись от тезиса о неизменности национального характера русских³.

В США в первой половине 1950-х гг. развернулась антикоммунистическая кампания, ставшая второй волной «Красной паники» и вошедшая в историю под названием маккартизма по имени инициировавшего ее сенатора-республиканца Дж. Маккарти. Объектом преследования оказались все, кто подозревался в коммунистических пристрастиях, а также любые другие левые и гомосексуалы. В Комитет Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, созданный еще в 1938 г. в ответ на возникновение тоталитарных режимов в Европе, приглашались ученые, голливудские артисты и режиссеры, чиновники Государственного департамента и военные. «Злу мирового коммунизма» был противопоставлен американский либеральный консенсус, хотя послевоенные либеральные интеллектуалы (от политиков и историков-американистов до журналистов и карикатуристов) и не одобряли самих методов Дж. Маккарти⁴, деятельность которого в 1954 г. была признана Сенатом антиамериканской.

На начальном этапе холодной войны в США было опубликовано немало работ по психологии коммунизма и политике СССР, авторы которых объясняли советскую агрессивность психологической реакцией на «тесное капиталистическое окружение» и даже связывали ее с тем, что в младенчестве боль-

1 Mr. X. (George Kennan), "The Sources of Soviet Conduct," *Foreign Affairs*, July 1947, accessed February 10, 2024, https://www.cvce.eu/en/obj/the_sources_of_soviet_conduct_from_foreign_affairs_july_1947-en-a0f03730-dde8-4f06-a6ed-d740770dc423.html.

2 Дэвис, Трани 2009, 270–288.

3 Об эволюции взглядов Дж. Кеннана см.: Gaddis 2011; Costigliola 2023.

4 Appleford 2023, 47–82.

шевистских лидеров, как и других маленьких детей, пеленали в соответствии с русской народной традицией¹. В подобных рассуждениях проявилось стремление ориентализировать Советский Союз, связать его политическую традицию с византийской и подчеркнуть неизменность национального характера русских, обуславливавшего существование тоталитарного режима, что свойственно американскому консервативно-пессимистическому дискурсу. Дипломаты, такие как У. Смит, занимавший пост посла Соединенных Штатов в СССР в 1946–1948 гг., и политические деятели, такие как З. Бжезинский, Советник по национальной безопасности при президенте Дж. Картере, апеллировали к книге А. де Кюстина о николаевской России как к проницательной и нестареющей работе о русском характере и византийской природе советской политической системы². В США, как и в СССР, мощным пропагандистским оружием становились кинематограф и карикатуристика, неизменно противопоставлявшие либерализм и коммунизм, американскую демократию и советский тоталитаризм, американскую свободу и советское «политическое рабство», американскую религиозность и советский атеизм³.

В то же время, в 1960-е гг. на фоне движения за гражданские права, антивоенных протестов, вызова контркультур и «левого» поворота в академической жизни ревизионизм с характерным для него стремлением критиковать американское Свое с использованием советского Другого прочно интегрировался в американский общественно-политический дискурс. Эта критическая рефлексия была связана с масштабной переоценкой ценностей и нашла свое яркое выражение в популярной культуре, литературе и публицистике.

В рамках американского либерально-универсалистского дискурса СССР продолжал оставаться страной, поглощенной «тьмой политического и гражданского рабства», и объектом мессианских порывов американцев⁴. В 1951 г., когда напряженность в советско-американских отношениях достигла высшей с момента начала холодной войны точки на фоне войны в Корее, журнал *Collier's* обратился к известным интеллектуалам с просьбой принять участие в проекте по конструированию воображаемого будущего на тему «Разгром и оккупация России, 1952–1960»⁵.

Художник Р. Тейлор подготовил иллюстрацию для обложки, поместив на переднем плане фигуру американского военного полицейского, представлявшего «Оккупационные силы» ООН со штаб-квартирой в Москве. Причем Балтийские государства и Украина были изображены на карте как оккупированные территории, управляемые отдельно от СССР. В журнале содержались статьи о перспективах Третьей мировой войны и победы над сталинским режимом, а также о возрождении советского народа, которое придет вместе с введением свободы религии и распространением западных ценностей, включая консюмеризм. Дж. Кеннан выступил с критикой подобных фантазий на тему освобождения СССР и стран социалистического блока от оков коммунизма, хотя и сам он

1 Рукавишников 2005, 164, 208–209.

2 Custine 1987, 7–11.

3 Shaw, Youngblood 2010, 17–36; Журавлева 2023b.

4 Foglesong 2007, 107–173.

5 *Collier's*. October 27, 1951. Cover.

своими публикациями стимулировал размышления на тему того, какую Россию предпочитали бы видеть американцы и что они могут для этого сделать¹.

У президента-демократа Дж. Картера было четкое видение данного процесса, когда он оказался в Белом доме в 1976 г. В США на 1970-е гг. пришелся очередной кризис идентичности, связанный с экономической стагнацией, ростом безработицы и инфляцией, Уотергейтским скандалом (1972–1974), закончившимся отставкой Р. Никсона, а также с бесславным для американцев окончанием войны во Вьетнаме².

На этом фоне демократической администрации Дж. Картера было важно показать, что США по-прежнему выполняют свою либеральную миссию по распространению свободы и демократии в мире, объектом которой остается СССР и страны советского блока. Новый президент вернул правовую повестку в советско-американские отношения. Он направил письмо в поддержку известного советского диссидента А.Д. Сахарова и пригласил в Белый дом советского правозащитника В.К. Буковского, который рассказал Западному миру о советской карательной психиатрии. Хотя Дж. Картер и заявлял о своей вере в разрядку, он обвинял СССР в тоталитаризме и распространении этого «политического зла» на страны советского блока³. Их освобождению от «тирании Кремля» также должна была способствовать активизация американского радиовещания и деятельность правозащитных организаций⁴. Возвращение ценностного подхода в советско-американские отношения способствовало свертыванию прагматической политики разрядки, которая, впрочем, дала трещину еще до вступления Дж. Картера в должность и окончательно прервалась после ввода советских войск в Афганистан.

На последнем витке холодной войны президент-республиканец Р. Рейган, выступая перед членами Национальной ассоциации евангелистов, объединил в единую метафору «Империи Зла» две базовые антитезы мессианского толка – «свобода» против «тоталитаризма» и «вера» против «безбожия». Он призвал молиться за спасение тех в Советском Союзе, кто живет во тьме тоталитаризма, чтобы они могли испытать радость познания Бога⁵.

Взаимоотношения США с постсоветской Россией: интересы, ценности, идентичности

Очередной американский «крестовый поход» за обновление России пришелся на 1990-е гг., когда после распада СССР российское общество и элиты, находившиеся в поиске новой национальной идентичности, впервые были готовы воспринять многие универсальные ценности, столь дорогие американцам, а конфликт

1 См., например: Kennan 1951.

2 Morris 1996, 205–209; Schulman 2001; Frum 2000, 4–5, 308.

3 Jimmy Carter, "President Jimmy Carter Address at the University of Notre Dame," May 22, 1977, Notre Dame Law Review 53, accessed February 22, 2024, <https://scholarship.law.nd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2614&context=ndlr>; David Broder, "Carter's 'International Morality,'" Washington Post, May 29, 1977.

4 Foglesong 2007, 163–173; Pomar 2022.

5 Ronald Reagan, "Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals at Sheraton Twin Towers Hotel, Orlando, FL.," Ronald Reagan Presidential Foundation & Institute, March 8, 1983, accessed January 23, 2024, <https://www.reaganfoundation.org/library-museum/permanent-exhibitions/berlin-wall/from-the-archives/remarks-at-the-annual-convention-of-the-national-association-of-evangelicals-in-orlando-florida/>; Foglesong 2007, 174–185.

ценностей и мессианских проектов ушел на время в прошлое на фоне беспрецедентного сближения США и постсоветской России в президентство Б.Н. Ельцина. В это время российские реформаторы обращались к американской политической и экономической модели как референтной и были готовы «брать уроки демократии и капитализма» у американских советников. Сам Б.Н. Ельцин надеялся, что две страны смогут наладить равноправные партнерские отношения.

В США на правительственном, экспертном и медийном уровнях возник консенсус по поводу того, что постсоветская Россия должна была встать на путь демократии и создания свободного рынка по американскому сценарию. Рассуждения «транзитологов» 1990-х гг. прекрасно вписывались в американский либерально-универсалистский дискурс. Для них было важно поделить с россиянами свои ценности и определенными знаниями, в том числе и о неоклассической модели «шоковой терапии», которая должна была облегчить и ускорить неизбежный переход к рыночной экономике. Реальное положение дел в стране, которая погружалась в экономический и социальный кризисы, не стало объектом пристального внимания со стороны тех в США, кто оказывал помощь России в годы администрации демократа Б. Клинтона. Они рассматривали эти процессы как неизменные издержки переходного периода, прощая Б.Н. Ельцину провалы во внутренней политике и особенности поведения¹.

Без внимания остался также внешнеполитический курс постсоветской России, которую в США списали со счетов как активного глобального игрока. Американские политические и военные элиты не сумели воспользоваться шансом интеграции бывшего врага номер один в систему международной безопасности. Вместо этого они предпочли продвижение собственных структур безопасности на Восток и вытеснение ослабленной России из международных отношений как активного игрока. Это не значит, что в США не существовало альтернативных подходов к созданию новой архитектуры международной безопасности с ее участием: просто не они в итоге возобладали².

Последствия российско-американского взаимодействия 1990-х гг. оказались трагическими и обескураживающими: миллиарды потраченных американских долларов на фоне экономического и социального хаоса в России, падение уровня жизни населения, разгул преступности, колоссальная социальная дифференциация, рождение политической олигархии, консолидация российских элит и значительной части общества на основе антиамериканских настроений, не простившей либеральным российским реформаторам «шоковой терапии» и крушения надежд. В России основная вина возлагалась на США, которые, согласно самой распространенной в современном антиамериканском дискурсе версии, стремились максимально ослабить Россию как потенциального геополитического соперника. В действительности российская стратегия вашингтонской администрации была нацелена не на разрушение страны с огромным ядерным потенциалом, а на ее контролируруемую и управляемую интеграцию в мировую политическую и экономическую систему.

1 Коэн 2001; Foglesong 2007, 196–218; Шенин 2008.

2 Стент 2015, 35–76; Sarotte 2021; Hill 2018.

Наследие российско-американских отношений последнего десятилетия XX в. по-разному оценивается русскими и американцами¹. Оно продолжает оказывать негативное влияние на восприятие россиянами США, поскольку либеральный проект, связанный в их сознании с травматической памятью о социально-экономических условиях жизни в «лихие 1990-е», позиционируется государственной пропагандой как американский, а сами либералы маркируются как национал-предатели и «пятая колонна». И в данном случае в жертву приносится история о небывалой свободе, возникшей на время в России, и о начавшемся тогда процессе формирования правового государства и гражданского общества. В США, в свою очередь, основной акцент делается как раз на либерализацию политической жизни в России в 1990-е годы. И это является основой нивелированных представлений о существовании демократии в президентство Б.Н. Ельцина, которая была разрушена с приходом к власти В.В. Путина, предложившего обществу социально-экономическую стабильность в обмен на свободу. Таким образом, в 1990-е гг. процесс позиционирования образа конституирующего Другого развивался от взаимного романтического вдохновения к пессимизму и разочарованию, что в перспективе возвращало Россию и США к привычному ценностному конфликту и использованию противоположной стороны как «темного двойника» в национальных дискурсах идентичности.

Сформировавшиеся за долгую историю российско-американских отношений взаимные образы и стандартные реакции на них сохранили свое влияние и в XXI веке. Повестка двусторонних отношений, как и в 1990-е гг., выстраивалась вокруг проблем нераспространения оружия массового уничтожения, политики России и США на постсоветском пространстве, вопросов европейской безопасности, действий Соединенных Штатов по продвижению демократии в российском обществе. И если первый вопрос формировал зону сотрудничества, последние три – зону конфликта интересов и ценностей².

Ценностный конфликт был на время ослаблен прагматическими «перезагрузками» российско-американских отношений в 2001 г. на фоне борьбы с глобальным терроризмом и в 2008–2012 гг. в условиях развития многостороннего диалога в первое президентство Б. Обамы и президентство Д.А. Медведева. Однако ни В.В. Путин, ни Д.А. Медведев так и не добились прагматического партнерства от США³. Между тем доказательства символического равенства с Соединенными Штатам сохраняют свою конституирующую значимость в российском дискурсе идентичности и с готовностью воспринимаются массовым сознанием как подтверждение статуса самой России⁴. Именно поэтому столь расхожей стала фраза: «Почему американцам можно, а нам нельзя?».

Первые значительные всплески антиамериканских настроений в России пришли на 1998 и 2003 гг. и были связаны с разногласиями между Москвой и Вашингтоном по вопросам независимости Косова и вторжения в Ирак⁵. Это был преимущественно эмоциональный антиамериканизм, ставший реакцией

1 Баталов et al. 2009; Tsygankov 2019, 33–80.

2 Стент 2015, 77–368; Peterson 2017, 64–159; Шаклеина 2022, 229–395.

3 Стент 2020, 273–288; Kurilla, Zhuravleva 2018, 113–140.

4 Печатнов 2006, 30–40; Левинсон 2007, 65–69.

5 Sokolov et al. 2018, 1–14.

на конкретные внешнеполитические действия США, пусть и использованный на инструментальном уровне властью и государственными СМИ.

Однако уже в феврале 2007 г. В.В. Путин на Мюнхенской конференции по безопасности озвучил обновленный мессианский проект постсоветской России, напрямую коррелирующий с консолидацией ее национальной идеи. Он сделал акцент на защиту многополярности в ответ на гегемонизм и унилатерализм США, которые «учат Россию демократии», но сами не следуют ей в международных делах¹. Мюнхенская речь стала заявлением лидера державы, глубоко разочарованного в действиях США по расширению НАТО на Восток, их вторжением в Ирак в 2003 г., поддержкой «цветных» революций на постсоветском пространстве и критикой России за дефицит демократии². В.В. Путин ответил на глобальные экспансионистские практики США призывом к национальной самобытности и антигегемонизму, противопоставив американскому универсальному либерализму национальный консерватизм.

Этот новый подход постсоветской России к взаимоотношениям с США в полной мере проявился после возвращения В.В. Путина к власти в 2012 году. В провоцировании протестов на Болотной площади тогда были обвинены Соединенные Штаты и лично Х. Клинтон, в то время госсекретарь в администрации Б. Обамы³.

Мюнхенская речь В.В. Путина, а затем российско-грузинская война 2008 г. способствовали интеграции концепта «новой холодной войны» в американский общественно-политический дискурс, что приобрело полномасштабный характер после присоединения Крыма в 2014 году.⁴ Именно российско-украинский конфликт, который диаметрально оценивался Москвой и Вашингтоном, стал отправной точкой падения двусторонних отношений в пропасть конфронтации.

В американских СМИ на фоне событий в России, как и в прошлом, ее образ персонифицировался и выстраивался на основе обвинений В. Путина в авторитаризме, ужесточении репрессий по отношению к политическим оппонентам, в разрушении правового государства и подавлении гражданских прав и свобод. «Путинская Россия» изображалась как реинкарнация Советского Союза при Сталине, а ее президент – как преемник не только генеральных секретарей, но и русских царей⁵. Однако антироссийского общественно-политического консенсуса в США не существовало. И хотя русский Другой оставался значимым в американском дискурсе идентичности, либералам-универсалистам и консерваторам-пессимистам противостояли реалисты, рассуждавшие о необходимости сотрудничать с Россией и не стремиться к ее переделыванию по образу и подобию США⁶.

1 В.В. Путин. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 г. // Kremlin.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 12.01.2024).

2 Саква 2020, 47–120; Forsberg 2014, 323–331.

3 Tsygankov 2019, 64–80; Zhuravleva 2018, 145–183.

4 Legvold 2016; Саква 2020, 183–210.

5 Tsygankov 2019, 38–52.

6 Stephen Kotkin, "Myth of the New Cold War," Prospect Magazine, April 26, 2008, accessed February 10, 2024, <https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/52293/myth-of-the-new-cold-war>; Romesh Ratnesar, "Kissinger on Putin: 'He Thinks He is a Reformer,'" Time, December 5, 2007, accessed February 8, 2024, https://content.time.com/time/specials/2007/personoftheyear/article/2880,1690753_1690757_1691285,00.html.

Крым нанес серьезный удар по их позициям, выдвинув на первый план тех, кто подчеркивал имперские амбиции постсоветской России как преемницы СССР, требовал ужесточения санкций и сворачивания программ сотрудничества по всем направлениям. В Соединенных Штатах возобладало разочарование в России, представление о том, что ее политическая система эволюционировала от хаоса через олигархию к авторитаризму, экономика поднялась не за счет реальных рыночных механизмов, а за счет цен на нефть, а общество так и не выработало стойкого вкуса к демократии. Либеральный универсалист, профессор Стэнфордского университета и бывший посол США в России М. Макфол выводил конфликт на Украине в плоскость противостояния автократии и демократии, призывая начать борьбу с путинским режимом в нормативной и интеллектуальной сферах, сохранять международную изоляцию России и способствовать укреплению демократических институтов на Украине, в Грузии и Молдове¹.

Президентские выборы в США в 2016 г. стали своеобразным замером уровня русофобии в среде американского политического истеблишмента и медиапространстве, суммировав все устойчивые антитезы общественно-политического дискурса о России. Причем впервые с момента окончания холодной войны русский конституирующий Другой масштабно интегрировался во внутриполитические дебаты в Соединенных Штатах в период президентской гонки, окончательно вернув себе статус «темного двойника». Это свидетельствовало о глубоком социально-политическом кризисе в самих Соединенных Штатах, что и выдвинуло на первый план таких протестных кандидатов, как Б. Сандерс и Д. Трамп, и обеспечило победу последнего².

«Русскую карту» со вкусом разыграли и республиканцы, обвинявшие демократов в потакании России во время «перезагрузки», и их кандидат Д. Трамп, использовавший образ В.В. Путина как сильного политического лидера в противовес Б. Обаме, и сама Х. Клинтон, превратившая демократическую партию в антирусскую и использовавшая критику тандема Трамп – Путин для исключения республиканского кандидата из американской политической традиции. В России в государственных СМИ основная ставка делалась на республиканца Д. Трампа, апеллировавшего к неоизоляционизму, прагматизму и консервативным ценностям в противовес Х. Клинтон, которой вменялось желание вмешиваться во внутренние дела других государств (будь то Россия или Украина) с целью продвижения демократии и навязывания американских либерально-универсалистских ценностей. В итоге антитрамповский консенсус в США превратился в антироссийский. Россия оказалась в фокусе внимания американских политиков, экспертов и СМИ вследствие начавшегося расследования по поводу ее возможного вмешательства в выборы на стороне Д. Трампа. В России это привело к национальной консолидации на основе антиамериканизма, тем более что личная дипломатия В. Путина как ключевой ресурс российской внешней политики не работала в случае с администрацией Д. Трампа, которая усилила режим санкций³.

1 Michel McFaul, "Confronting Putin's Russia," New York Times, March 14, 2014, accessed February 20, 2024, <https://www.nytimes.com/2014/03/24/opinion/confronting-putins-russia.html>.

2 Печатнов 2017, 13–33; Печатнов 2020, 5–16.

3 Журавлева 2018b; Стент 2020, 289–318; Tsygankov 2019, 81–96; Sakwa 2022.

Вместо заключения

После объявления Россией начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., однозначно воспринятой в США как неприкрытая агрессия против суверенного соседнего государства, российско-американские отношения оказались в состоянии конфронтации, которую можно сравнить с начальным периодом холодной войны, в том числе и с учетом консолидированной антироссийской позиции Запада. В настоящий момент в обеих странах задействована одна из главных функций конституирующего Другого – сплочение собственного общества через бинарное черно-белое описание мира.

В России господствует антиамериканизм, который нацелен на поддержание образа США как угрозы национальной стабильности. В контролируемом государством общественно-политическом дискурсе военные действия на Украине представлены как борьба не только против националистов, но и против коллективного Запада вообще и США в частности. В этом смысле отношение к Соединенным Штатам определяется через призму патриотизма, что характерно для военного времени и позиционирования образа врага.

В США действия России вписываются в привычные дихотомии «демократия» / «тоталитаризм», «свобода» / «несвобода», «добро» / «зло». Причем, в отличие от предыдущего периода, русофобскому остракизму подвергается не только политический режим во главе с В. Путиным, но и все русские, не покинувшие Россию после начала военных действий на Украине, русская культура и российское академическое сообщество. Россия в общественно-политическом дискурсе США стала токсичной страной-агрессором, которую нельзя изменить, а можно лишь максимально ослабить, лишив ресурсов для нападения на соседние суверенные страны. Такого антироссийского консервативно-пессимистического консенсуса в Соединенных Штатах не существовало даже в период холодной войны.

Это не значит, что в среде американских политиков и экспертов отсутствуют реалисты, которые, безусловно осуждая Россию, одновременно задаются вопросами о том, можно ли было предотвратить эскалацию украинского конфликта, как закончить военные действия и какую роль в этом должны сыграть США. Достаточно обратиться к публикациям в журнале *Foreign Affairs*¹ или к обсуждению вопроса о том, насколько правомерно сравнивать Россию с нацистской Германией². В свою очередь, американские русофилы предпринимают попытки защитить русскую культуру, академические и культурные обмены.

Однако пока не эти тенденции являются преобладающими на фоне антироссийского консенсуса в медийной и партийно-политической среде, хотя в последнем случае и намечился раскол при обсуждении в Конгрессе вопроса о дальнейшей военной и финансовой помощи Украине. Впрочем, речь идет не об изменении отношения к России, а о нежелании консерваторов-республиканцев

1 См., например: Charap 2023, 22–35; Malkasian 2023, 36–51. Также см.: George Beebe, and Anatole Lieven, "The Diplomatic Path to a Secure Ukraine," Quincy Institute Paper 13, February 2024, accessed February 24, 2024, <https://quincyst.org/research/the-diplomatic-path-to-a-secure-ukraine/>.

2 Timothy Snyder, "We Should Say It. Russia Is Fascist," New York Times, May 19, 2022, accessed February 24, 2024, <https://www.nytimes.com/2022/05/19/opinion/russia-fascism-ukraine-putin.html>; Laruelle Marlen, "Is Russia Fascist?," Postsocialism, May 24, 2022, accessed February 24, 2024, <https://postsocialism.org/2022/05/24/is-russia-fascist/>.

тратить деньги налогоплательщиков без долгосрочного плана победы на фронте. Это вполне вписывается в концепцию неоизоляционизма Республиканской партии и Д. Трампа как ее фаворита в президентской гонке, а также импонирует настроениям американцев, большая часть которых не одобряет активизации роли США в военных конфликтах на Украине и Ближнем Востоке¹.

В условиях современной конфронтации в России и США происходит масштабное переосмысление прошлого российско-американских отношений, что также является устойчивой традицией во взаимных репрезентациях. Поэтому не удивительны заявления о том, будто США (как и коллективный Запад в целом) всегда стремились Россию сдерживать и разрушать, или и о том, будто между двумя странами никогда не существовало по-настоящему конструктивных отношений, а периоды сотрудничества были исключением из правил².

История взаимоотношений двух стран как раз наглядно демонстрирует, что у русских и американцев есть очень богатое общее прошлое, которым они могут по праву гордиться, что периоды конфронтации неизменно сменялись периодами сотрудничества и что даже в «годы непризнания» и холодной войны таких примеров существовало достаточно³. Одновременно эта история учит нас тому, что в условиях внутривосполитических кризисов Россия и США склонны не слышать друг друга, превращать противоположную сторону в «козла отпущения», приписывая ей действия и намерения, которые объясняют собственные внутри- и внешнеполитические провалы и в которых можно обвинить общество, их проецирующее. И в этом смысле Россия и США являются «закадычными врагами», необходимыми друг другу в роли значимых Других в национальных дискурсах идентичности.

1 Farnoush Amiri, and Linley Sanders, "Few Americans Want US More Involved in Current Wars in Ukraine and Gaza, AP-NORC Poll," APNews, March 6, 2024, accessed March 6, 2024, <https://apnews.com/article/israel-russia-ukraine-american-war-94404-b3269a1effc8d94482a36387657>.

2 Kotkin 2016, 8; Стент 2020, 331.

3 Журавлева 2021, 9–78, 150–248.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баталов, Э.Я., Журавлева, В.Ю., Хозинская, К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007). М.: РОССПЭН, 2009.
- Batalov, Edward Ya., Zhuravleva Victoria Y., and Ksenia V. Khozinskaya. "Roaring Bear" in the "Wild East" (*Images of Contemporary Russia in American Publications: 1992–2007*). Moscow: ROSSPEN, 2009 [In Russian].
- Бородин, Н.А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Петроград: книгоиздательство «Огни», 1915.
- Borodin, N.A. *North-American United States and Russia*. Petrograd: Ogni, 1915 [In Russian].
- «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект-Пресс, 2023.
- "Enemy Number One" in the Symbolic Cinematic Politics of the USSR and the US during the Cold War, edited by Oleg V. Riabov. Moscow: Aspekt-Press, 2023 [In Russian].
- Дуглас, С. Российская миссия. Забытая история о том, как Америка спасла Советский Союз от гибели. М.: Издательство АСТ, 2021.
- Smith, Douglas. *The Russian Job. The Forgotten Story of How America Saved the Soviet Union from Ruin*. Moscow: AST, 2019 [In Russian].
- Дэвид-Фокс, М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015.
- David-Fox, Michael. *Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Moscow, 2015 [In Russian].
- Дэвис, Д., Трани, Ю. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М.: Вагирус, 2009.
- Davis, Donald E., and Eugene P. Trani, *Distorted Mirrors. Americans and Their Relations with Russia and China in the 20th Century*. Moscow: Vagirus, 2009 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. История. Зарубежное регионоведение. 2013. № 21 (122). С. 121–143.
- Zhuravleva, Victoria I. "American Corn in Russia: Lessons of the People-to-People Diplomacy and Capitalism." *RSUH/RGGU Bulletin. Series: International Relations. History. Area Studies* 122, no. 21 (2013): 121–143 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Американское путешествие в Русскую революцию: образы и мифы (1905–1917) // Исторический вестник. 2018а. Том 23. С. 138–173.
- Zhuravleva, Victoria I. "American Journey into the Russian Revolution: Images and Myths (1905–1917)." *Istoricheskii Vestnik* 23 (2018): 138–173 [In Russian].
- Журавлева, В.И. «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуре в начале Холодной войны (1947–1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 9 (119). <https://doi.org/10.18254/5207987840022753-7>.
- Zhuravleva, Victoria I. "Krokodil against Uncle Sam: The American Other in Soviet Cartoons at the Beginning of the Cold War (1947–1960)." *ISTORIYA* 13, no. 9 (119) (2022) [In Russian].
- Журавлева, В.И. Образы России в американском ориенталистском дискурсе // Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra. М.: РГГУ, 2023а. С. 171–196.
- Zhuravleva, Victoria I. "Images of Russia in the US Orientalist Discourse." In *Colonial and Postcolonial Discourses in American Literature, Culture, and Politics: Pro et Contra*, 171–196. Moscow: RSUH Press, 2023 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Образ Русской революции в американском радикальном дискурсе: социальная миссия России vs либеральная миссия США // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I. <https://doi.org/10.18254/5207987840012984-1>.
- Zhuravleva, Victoria I. "Image of Russian Revolution in American Radical Discourse: The Russia's Social Mission vs the US Liberal Mission." *ISTORIYA* 11, no. 2-1 (98) (2020) [In Russian].
- Журавлева, В.И. Общее прошлое русских и американцев. М.: РГГУ, 2021.
- Zhuravleva, Victoria I. *The Common Past of Russians and Americans*. Moscow: RSUH Press, 2021 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М.: РГГУ, 2012.
- Zhuravleva, Victoria I. *Understanding of Russia in the United States: Images and Myths. 1881–1914*. Moscow: RSUH Press, 2012 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Россия как «Другой» в президентских выборах в США 2016 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018b. Т. 9. Выпуск 8 (72) <https://doi.org/10.18254/50002446-9-1>.
- Zhuravleva, Victoria I. "Russia as the Other in the 2016 Presidential Election in the United States." *ISTORIYA* 9, no. 8 (72) (2018) [In Russian].
- Журавлева, В.И. «Холодная война образов» в политической карикатуре: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023b. Т. 14. Выпуск 10 (132). <https://doi.org/10.18254/5207987840028758-2>.
- Zhuravleva, Victoria I. "The Cold War of Images in Political Cartoons: American Messianic Concept vs Soviet Messianic Concept." *ISTORIYA* 14, no. 10 (132) (2023) [In Russian].
- Ильф, И., Петров, Е. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. М., 2010.
- Ilf, Ilya, and Yevgeny Petrov. *One-storied America. Letters from America*. Moscow, 2010 [In Russian].
- Коэн, С. Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001.
- Cohen, Stephen F. *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. Moscow: AIRO-XX, 2001 [In Russian].
- Курилла, И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград: Изд-во Волгу, 2005.
- Kurilla, Ivan I. *Partners Across the Ocean: The United States and Russia, 1830s –1850s*. Volgograd: Volgograd State University Press, 2005 [In Russian].
- Курилла, И.И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимопонимания России и США. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Kurilla, Ivan I. *Frenemies. A History of Opinions, Fantasies, Contacts, Mutual Understanding and Misunderstanding of Russia and the United States*. Moscow: NLO Books, 2018 [In Russian].
- Левинсон, А.Г. Америка как значимый Другой // Pro et contra. 2007. № 2 (36). Март-апрель. С. 65–69.
- Levinson, Alexei G. "America as the Constitutive Other." *Pro et contra* 2 (36) (March/April 2007): 65–69 [In Russian].

Листиков, С.В. США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М.: Наука, 2006.
Listikov, Sergei V. *USA and Revolutionary Russia in 1917. Alternatives in American Policy from February to October*. Moscow: Nauka, 2006 [In Russian].

Мальков, В.Л. Россия и США в XX в. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М.: Наука, 2009.

Malkov, Victor L. *Russia and the United States in the 20th Century. An Outline History of Their Interstate Relationship and Diplomacy in Sociocultural Context*. Moscow: Nauka, 2009 [In Russian].

Морозов, В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Morozov, Viacheslav Y. *Russia and the Others: Identity and Boundaries of a Political Community*. Moscow: NLO Books, 2009 [In Russian].

Нойманн, И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей М.: Новое издательство, 2004

Neumann, Iver B. *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Moscow: Novoye Izdatel'stvo, 1998 [In Russian].

Печатнов, В.О. Любовь-горечь к Америке // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 30–40.

Pechatnov, Vladimir O. "A Love-Bitterness for America." *Mezhdunarodnye Protsessy* 4, no. 1 (2006): 30–40 [In Russian].

Печатнов, В.О. Феномен Трампа и американская демократия // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1 (48). С. 13–33.

Pechatnov, Vladimir O. "The Tramp Phenomenon and American Democracy." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* 15, no. 1 (2017): 13–33 [In Russian].

Печатнов, В.О. США в тисках кризисов // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Том 64. № 10. С. 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16>.

Pechatnov, Vladimir O. "America Gripped by Crises." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* 64, no. 10 (2020): 5–16 [In Russian].

Рукавишников, В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический проект, 2005.

Rukavishnikov, Vladimir O. *The Cold War, the Cold Peace. Public Opinion of the US and Europe about the USSR/Russia, the Foreign Policy, and Security of the West*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2005 [In Russian].

Саква, Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны. М.: Издательство «Весь мир», 2020.

Sakwa, Richard. *Russia against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order*. Moscow: Izdatel'stvo Ves' Mir, 2020 [In Russian].

Стент, А. Мир Путина. Россия и ее лидер глазами Запада. М.: Интеллектуальная литература, 2020.
Stent, Angela. *Putin's World. Russia Against the West and With the Rest*. Moscow: Intellektual'naya Literatura, 2020 [In Russian].

Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2015.

Stent, Angela. *The Limits of Partnership. US-Russian Relations in the Twenty-First Century*. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber, 2015 [In Russian].

Шаклеина, Т.А. Россия и США в современных международных отношениях. М.: Аспект-Пресс, 2022.

Shakleina, Tatiana A. *Russia and the United States in Contemporary International Relations*. Moscow: Aspekt-Press, 2022 [In Russian].

Шенин, С.Ю. Возвращение в Россию. Стратегия и политика американской помощи (1990-е гг.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.

Shenin, Sergei Y. *Returning to Russia: Strategy and Politics of American Aid (in the 1990s)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology, 2008 [In Russian].

Шпотов, Б.М. Американский бизнес и Советский Союз: 1920–1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.

Shpotov, Boris M. *The US Business and the Soviet Union in the 1920s–1930s: The Intricacies of Economic Cooperation*. Moscow: Book House "Libricom," 2013 [In Russian].

Эткинд, А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Etkind, Alexander M. *The Interpretation of Travels: Russia and America in Travelogues and Intertexts*. Moscow: NLO Books, 2001 [In Russian].

Appleford, Simon. *Drawing Liberalism. Herblock's Political Cartoons in Postwar America*. Charlottesville and London: University of Virginia Press, 2023.

Ball, Alan. *Liberty's Tears. Soviet Portraits of the "American Way of Life" during the Cold War*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Behringer, Paul J. Welch "Images of Empire: Depictions of America in Late Imperial Russian Editorial Cartoons." *Russian History* 45 (2018): 286–296.

Borzona, Angela. *The Sources of Russian Foreign Policy Assertiveness*. Cham: Springer International Publishing, 2022.

Campbell, David. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Revised Edition*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.

Charap, Samuel "An Unwinnable War: Washington Needs an Endgame in Ukraine." *Foreign Affairs* 102, no. 4 (2023): 22–35.

Costigliola, Frank. *Kennan. Life between Worlds*. Princeton: Princeton University Press, 2023.

Custine, Astolphe, Marquise de. *Journey of Our Time: The Russian Journals of the Marquise de Custine*. Washington, D.C.: Gateway Editions, 1987.

Egert, B.P. *The Conflict Between the United States and Russia*. St. Petersburg, 1912.

Engerman, David C. *Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development*. Cambridge, Massachusetts and London, England: Harvard University Press, 2003.

Fainberg, Dina. *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020.

Fedorova, Mila. *Yankees in Petrograd, Bolsheviks in New York: America and Americans in Russian Literary Perception*. Northern Illinois University Press, 2013.

Foglesong, David S. *The American Mission and the "Evil Empire". The Crusade for a "Free Russia" since 1881*. Cambridge University Press, 2007.

Foglesong, David S. *America's Secret War Against Bolshevism. US Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920*. Chapel Hill & London: The University of North Carolina Press, 1995.

Forsberg, T. "Status Conflicts between Russia and the West: Perceptions and Emotional Biases." *Communist*

and *Post-Communist Studies* 47, no. 3–4 (2014): 323–331. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2014.09.006>.

Frum, David. *How We Got Here. The 70s: The Decade that Brought You Modern Life (For Better or Worse)*. New York: Basic Books, 2000.

Gaddis, John L. *George F. Kennan. An American Life*. New York: The Penguin Press, 2011.

Hill, William H. *No Place for Russia: European Security Institutions Since 1989*. New York: Columbia University Press, 2018.

Hixson, Walter L. *The Myth of American Diplomacy: National Identity and US Foreign Policy*. New Haven: Yale University Press, 2008.

Hunt, Michael. *Ideology and the US Foreign Policy*. New Haven and London: Yale University Press, 2009.

Kennan, George F. "America and the Russian Future." *Foreign Affairs* 29, no. 3 (April 1951): 351–370.

Kenneth, Morris E. *Jimmy Carter: American Moralist*. Georgia: Anthem, 1996.

Kotkin, Stephen "Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern." *Foreign Affairs* 95, no. 3 (May/June 2016): 2–9.

Kurilla, Ivan I., "Russian Celebrations" and American Debates about Russia in 1813 // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity* 44, no. 1 (2016): 114–123.

Kurilla, Ivan, and Zhuravleva Victoria I. "Russia's View on Obama's Presidency: From Hope to Disappointment." In *The World Views of the Obama Era. From Hope to Disillusionment*, edited by Matthias Maass, 113–140. Palgrave Macmillan, 2018.

Legvold, Robert. *Return to Cold War*. Malden: Polity Press, 2016.

Letters of Theodore Roosevelt, edited by E.E. Morison. Vol. 4. Cambridge, 1951.

Magnusdottir, Rosa. *Enemy Number One. The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda. 1945–1959*. New York: Oxford University Press, 2019.

Malkasian, Carter. "The Korea Model: Why an Armistice Offers the Best Hope for Peace in Ukraine." *Foreign Affairs* 102, no. 4 (2023): 36–51.

Mickenberg, Julia L. *American Girls in Red Russia. Chasing the Soviet Dream*. Chicago: University of Chicago Press, 2017.

Patenaude, Bertrand M. *The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford: Stanford University Press, 2002.

Peterson, James W. *Russian-American Relations in the Post-Cold War World*. Manchester: Manchester University Press, 2017.

Pomar, Mark G. *Cold War Radio: The Russian Broadcasts of the Voice of America and Radio Free Europe/Radio Liberty*. University of Nebraska Press, 2022.

Roman, Meredith L. *Opposing Jim Crow. African Americanism and the Soviet Indictment of U.S. Racism: 1928–1937*. University of Nebraska Press, 2012.

Sakwa, Richard. *Deception. Russiagate and the New Cold War*. Lanham: Lexington Books, 2022.

Sarotte, Mary E. *Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*. New Haven: Yale University Press, 2021.

Saul, Norman E. *Distant Friends. The United States and Russia, 1763–1867*. Lawrence: University Press of Kansas, 1991.

Saul, Norman E. *Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914*. Lawrence: University Press of Kansas, 1996.

Saul, Norman E. *War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence: University Press of Kansas, 2001.

Schulman, Bruce J. *The Seventies: The Great Shift in American Culture, Society, and Politics*. New York: Free Press, 2001.

Shaw, Tony, and Denise Youngblood. *Cinematic Cold War. The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 2010.

Sokolov, Boris, Ronald F. Inglehart, Eduard Ponarin, Irina Vartanova, and William Zimmerman. "Disillusionment and Anti-Americanism in Russia: From Pro-American to Anti-American Attitudes, 1993–2009." *International Studies Quarterly* 1, 14 (2018): 1–14 <http://dx.doi.org/10.1093/isq/sqy013>.

Sorokin, Pitirim A. *Russia and the United States*. New York: E.P. Dutton and Company, Inc., 1944.

Tsygankov, Andrei P. *The Dark Double. US Media, Russia, and the Politics of Value*. New York: Oxford University Press, 2019.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. New York: Cambridge University Press, 2004.

Zhuravleva, Victoria I. "'Honeymoon' of the Russian Empire and the United States during WWI." *Vestnik SPbSU* 14, no. 3 (2021): 273–292 <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.302>.

Zhuravleva, Victoria I. "Images of the United States in Putin's Russia, from Obama to Trump." *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society* 4, no. 1 (2018): 145–183.

Zhuravleva, Victoria I. "The Study of the History of US–Russia Relations in the 21st Century on Both Sides of the Atlantic: Research Approaches and Methods." *Novaia i noveishaia istoriia* 66, no. 4 (2022): 29–54. <https://doi.org/10.31857/S013038640021033-4>.

Сведения об авторе

Виктория Ивановна Журавлева,

д.ист.н., профессор, заведующая кафедрой американских исследований
факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения

Российского государственного гуманитарного университета

125047, Россия, Москва, Миусская площадь, 6

старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т., 32а

e-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 февраля 2024.

Переработана: 24 февраля 2024.

Принята к публикации: 27 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00482.

Трансформации идей превосходства на Западе и в России в конце XIX – начале XXI в.

Цитирование

Журавлева, В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах
идентичности // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (1). С. 20–45.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-20-45>

Russia and the United States as Constitutive Others in the National Identity Discourses

ABSTRACT

This article explores the imagological foundations of the ongoing confrontation between the United States and Russia. Utilizing a historiographical review of US–Russia relations and the author's extensive research, it employs a constructivist approach to examine the enduring patterns in their mutual representations. The analysis uncovers the cyclical nature of these perceptions, swinging between value-driven and pragmatic narratives. It suggests that throughout history, the US and Russia have consistently served as each other's "constitutive Other" within their identity discourses. This involves the creation of meaning repertoires that align with their domestic and foreign policy goals. Moreover, the article argues that the current confrontation mirrors a clash between their respective value systems and messianic ambitions. This dynamic contributes to the development of a new kind of imagined reality, reinforcing the enduring dichotomous worldview that defines the relationship between the two nations.

KEYWORDS

Russian-American relations, identity, constructivism, imagology, the constitutive Other, national exclusiveness

Author

Victoria I. Zhuravleva,

PhD (Hist.), Professor, Head of the American Studies Department at the Faculty
of International Relations, Political Sciences, and Area Studies,

Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

32a, Leninsky Prospekt, Moscow, Russia, 119334

e-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Additional information

Received: February 1, 2024. Revised: February 24, 2024. Accepted: February 27, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Funding

This article has been prepared with the financial support of The Russian Science Foundation (RNF), project no. 20-18-00482 "Transformations of the Supremacy Ideas in the West and in Russia in the Late 19th – Early 21st Centuries".

For citation

Zhuravleva, Victoria I. "Russia and the United States as Constitutive Others in the National Identity Discourses." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 20–45.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-20-45>